

Культура - 2001 - 12-18 июля - с.8

"ЭДИП" В КОМПЛЕКТЕ

Симфоническая часть "Ночей" была не менее впечатляюще, чем оперная. Мне посчастливилось присутствовать на концерте "смешанного" жанра: Валерий Гергиев дирижировал "Симфонией псалмов" Стравинского, "Прометеем" Скрябина и оперой-ораторией Стравинского "Царь Эдип". Даже на первый взгляд — имею в виду перечень сочинений — эта программа выглядит эстетски красиво. В ней заложена определенная динамика. Внутреннее, высшее спокойствие "Псалмов" взрывается космической энергетикой "Прометея", после чего "Царь Эдип" слушается как синтез двух этих линий, но претворенных в эмоциональном плане с противоположными знаками: земное смирение обращается в земные стенания, а космический размах событий — в спокойствие божественной заданности. Есть что оценить и в плане стилизованной игры: Стравинский одного периода (соответственно 1930 и 1927 годы написания сочинений, кстати, оба они были подвержены повторному редактированию в 1948 году), обращающий в это время свой взор на технику старых западноевропейских полифонистов, на русские церковные распевы и на барочные "Страсти", воплощающий все это богатство традиций в своем творчестве под знаком "нео", и Скрябин начала века ("Прометей" создан в 1910 году), открывающий новые ладовые и гармонические горизонты, создающий "прометеевский аккорд" и первую в истории световую партитуру музыкального сочинения. Гергиев, правда, не повторил подвига, совершенного пару лет назад РНО, игравшего "Прометея" со светом. Но и чистой музыки хватило маэстро, чтобы скрябинские "хрупкости" и изломанные танцы, метания и экстазы высветить цветами глубокими, на-

сыщенными и яркими (фортепианную партию великолепно сыграл Александр Торадзе).

Программа, кроме вышесказанного, примечательна и тем, что исполненный в ней Стравинский в России фактически не звучит. Это объясняется, на мой взгляд, большим и разнообразным исполнительским составом, собрать который, как видно из опыта Гергиева, может только дирижер, у которого под руками весь арсенал средств. В данном случае — вышколенный оркестр, откликающийся уже даже не на жест и взгляд маэстро, а, кажется, предчувствующий мысль и эмоцию своего дирижера. В "Симфонии псалмов" — это еще и бесподобный хор мальчиков, составленный из учеников Училища имени Глинки и детского хора Мариинского театра: их пение было поистине ангельским. В "Царе Эдипе" также не могу не отметить не только исполнение, но и прочтение хоровой партии. Хор Мариинского театра создал очень точный эмоциональный план. Почти все время находясь в области тихого звучания, сложно быть внятным, трудно сделать исполнение разнообразным и, что важнее всего, суметь расставить драматургические акценты, заложенные в тексте. Текст хоровой партии, изобилующий обращениями к богам, Эдипу, отмечающий появления всех персонажей, повествующий от первого лица о трагедии, обрушившейся на Фивы, мог быть трактован Стравинским в духе баховских *turbe* — чрезвычайно эмоциональных хоров толпы, поскольку и в "Эдипе" — это толпа, а не древнегреческий хор, призванный пояснять зрителю каждое событие. Но латинский язык, избранный Стравинским, срывает эффект остранения: эмоциональный текст подчиняется музыкально-

му повествованию. Эффект усиливается благодаря присутствию чтеца-рассказчика (Алексей Емельянов), предвещающего в краткой форме суть будущего развития событий. Он будто рассказывает не только зрителям, но и народу ситуацию, народ же ее пропевает, как бы заранее пережив и укоренившись в предначертанности любого сюжетного поворота. На этом фоне Тиресий (Федор Кузнецов), Вестник и Креонт (Евгений Никитин), Пастух (Владимир Феленчак), из уст которых Эдип слышит страшные вести, не более чем носители информации, столь же лишенные эмоциональных переживаний, хотя и "прописанные" Стравинским в сольном, а не хоровом ключе. Самую яркую партию создал композитор для Иокасты, и самой яркой актрисой в данной "труппе" эта партия и была исполнена. Злата Бульчева проявила себя и как достойный мастер, справившись (почти без потерь) с безумно сложными тесситурными и ритмическими придумками Стравинского, и ей удалось создать образ по-оперному яркий и одновременно не выйти за рамки обязывающего к определенной строгости ораториального стиля и сюжетной надличностной идеи. Интересно было наблюдать и штрихи, появляющиеся от эпизода к эпизоду и подчеркивающие внутренние изменения в состоянии Эдипа, партию которого блестяще исполнил Леонид Захожаев.

"Царя Эдипа" маэстро Гергиев обещал обязательно повторить. Хорошая мысль. Такую программу действительно не грех и повторить. И, может быть, не только в Питере, но и в Москве.

Анна ВЕТРОВА
Санкт-Петербург — Москва